

ПРОЗА

Владимир Пахомов

Родился в 1948 году. После окончания института в 1971 году работал геологом в Приморье, на Чукотке и Колыме. С 1998 года проживает в США на севере штата Нью-Йорк.

BADZ PRZEKLET... NIENAWIDZIC!

(из старого блокнота)

О войне на Западной Украине и последующей ликвидации соединений ОУН-УПА написано много, включая, наряду с художественной литературой, многотомные исследования, сняты разные по качеству и достоверности художественные и документальные фильмы.

Не будучи историком и не имея ни малейшего желания высказывать неправомерные и, может быть, спорные суждения о том далёком времени, я хочу рассказать вам об одном, казалось бы, незначительном эпизоде той войны. В основу этого правдивого рассказа положены пересланные мне воспоминания отца одного из моих однокурсников. Как всегда, дорогой читатель, я для удобства восприятия передаю рассказ от первого лица.

Итак. Конец июня 1944 года. Окрестности города Владимира. Полевой лагерь переформирования 70-й гвардейской мотострелковой дивизии.

И вот уже на поверке сухим надтреснутым голосом старший лейтенант с орденом Красной Звезды и двумя нашивками за ранения выкликает мою фамилию, а старшина с костистым, продубленным ветрами и солнцем лицом неустанно песочит нас, вколачивая в наше 19-летнее сознание премудрости войны.

Как мы боялись, что война закончится без нас и вот – скоро на фронт! Нам снились лихие атаки – впереди знамя, бегущие немцы с поднятыми руками, ну и конечно – ордена (медали – на худой конец).

Моим соседом был высокий худенький нескладный паренёк с веснушчатым лицом. В первый же день я узнал, что зовут его Сева, а фамилия его Гольдман. На фронт ушел добровольцем с 3-го курса Московской консерватории по классу рояля, горячо убеждая профессоров и родителей, что его место на фронте. Не убедив, потратил на запись целый день в военкомате, сказав родителям, что он пошёл в консерваторию. Мы сдружились и, вскоре, вместе мечтали о фронтовых подвигах.

15-го июля эшелон с нашим 207-м гвардейским полком двинулся на запад и на вторые сутки прибыл на какую-то большую станцию. Здесь мы получили оружие, боекомплект, сухой паек на два дня и в каких-то больших грузовых машинах (американские – Студебеккер – пояснил сидящий у края кузова сержант в ладно пригнанной форме) двинулись по разбитой и размокшей колее куда-то дальше.

– Не дрейфь, командиры знают куда, – подбодрил меня тот же сержант, – впервой что ли на передок?

– Куда? – переспросил я.

– Да, на передовую же, чудило! Ну, ясно, что впервой. Западная Украина – это, и ты теперь в составе 1-го Украинского фронта, как его боевая единица, а вместе с дружкой твоим (он кивнул на Севу), я думаю, что вся надежда на вас, – рассмеялся он.

– Да не обижайся, шутка на войне – первое дело, а война без шутки, это как селедку есть, да солёным огурчиком закусывать без водки, не пробовал? И не надо – одно удовольствие от этого. Да я вижу, что ты с дружкой твоим много кое-чего не пробовали, бабу-то небось даже за сиськи не держали (Сева густо покраснел), точно ведь? Ладно, пацаны – держитесь меня – не пропадете. Жоркой меня зовут, с 41-го воюю, и под Сталинградом был, и под Орлом, и Днепр переплывал на бревне от плота разбитого, а ни одной царапины! Во как! Маманя – образ повесила, сказала еще от бабушки ей достался.

Часа через три автомашины остановились и чей-то зычный голос дал команду выгружаться и строиться в колонны. И вот уже два часа мы месим жидкую грязь, облепившую сапоги, дружно толкаем застрявшие автомашины с боепри-

пасами, полевые кухни, штабные «виллисы» (пояснил нам Жорка).

А вокруг были следы войны, но не той, что мы видели в ежедневных кинохрониках во Владимире. Разбитые и сгоревшие автомашины, воронки, снарядные ящики, танк с почти сорванной башней, нелепо торчащие вверх стволы покорёженных орудий, каски и втоптаные в грязь ошметки одежды, санитарные сумки и обрывки бинтов, полузаваленные траншеи с рядами поваленной колючей проволоки. И ещё был запах. В пронзительную гарь от сгоревшей резины, масел, бензина и дизтоплива вплеталась незнакомая пригорно-удушливая вонь.

– Война так пахнет, – тихо сказал Жорка. – Вот вернёмся и расскажем детям и внукам нашим про все это, – он махнул куда-то рукой. – А как, про этот запах рассказать-то? Так и останется с нами, когда война кончится, на всю жизнь, наверное.

К вечеру, мы, вымотанные до полумертвого состояния, наконец дошли до переднего края. После ужина командир батальона, в который мы были зачислены, молодой лейтенант (после училища только, сразу определил Жорка) со всей возможной суровостью, которая так не вязалась с его безусым мальчишеским лицом, объяснил поставленную перед нами боевую задачу.

– Там, где вы прошли сегодня маршем, была передняя линия обороны немцев. Впереди нас – вторая. Прорвём, и замкнём кольцо, две дивизии будут в котле. Наша задача – с ходу взять деревню, что перед нами, и с боем идти дальше. Разведка донесла – мин впереди нет, и в деревне до полуроты солдат противника. Две пулеметные точки и траншея между ними 120 метров. Атака по красной ракете, ровно в 5 утра. Всем ясно? А теперь отдыхать.

Деревня виднелась чуть на небольшой горке за широким лугом, покрытым густой зеленой травой с россыпью желтых, голубых и розовых мелких цветов. Деревня это была не наша – чужая, с неправдоподобно высокими островерхими крышами, крепкими заборами с воротами. Слева от нас виднелись какие-то развалины.

– Пулемёт там у них – лучше места нету, – пробормотал Жорка. – А второй, наверное, вон на той горوشке. И получа-

ется – наш выпас, да лужок этот чертов как на ладони у них и весь простреливается. А наш лейтенант-то от артиллерии отказался, в героя играет, а сходу-то взять деревню не получится, так-то пацаны.

Почти сразу после ракеты с той стороны ударили пулемёты. Пули отбрасывали людей на несколько метров, вырывали куски тел, вместе с одеждой. Атака захлебнулась. На лугу осталось человек 40, были слышны крики и стоны раненых.

– На часовне у них МГ-34, а на горушке МГ-10, судя по звуку, – шептал Жорка. – Оба, если близко, двумя пулями человека разрывают. Но вот, что, пацаны, интересно – из наших ППШ шмаляют, точно из наших, вообще-то немчура их не уважает, странно как-то... После второй атаки на лугу осталось ещё человек 50.

Стоял безоблачный июльский день. С луга доносился мёдовый запах разогретых трав, стрекотали кузнечики, высоко в небе пел жаворонок и, казалось, абсолютно нереальным, что в этих травах, лежат бойцы, с которыми ты ещё вчера шёл по грязной дороге и даже не успел познакомиться. И никто не хотел умирать.

В третью атаку батальон не поднялся, словно по молчаливому уговору. Огонь, особенно перекрестный, был такой плотный, что, кажется, и головы поднять нельзя было. Мы лежали рядом с Севкой, вжимаясь сколько можно в пахучую мягкую землю, не глядя друг на друга. Вместе с животным страхом нас душил стыд, выжимая закипающие на веках злые слезы. Как же мы, комсомольцы, воспитанные в лучших традициях Страны Советов, не можем преодолеть страх? Как же так? Почему?

Лейтенант, страшный, с побелевшими глазами и наспех перевязанной левой рукой, без фуражки метался по траншее с пистолетом в руке.

– Вперёд! В атаку! Ну, подымайтесь же! Ну, прошу вас, товарищи бойцы... За мной! За Сталина! За Родину! – почти умолял он.

Он поднялся во весь свой скромный рост и вскарабкался на бруствер. Я увидел, как вздыбился и отлетел в сторону его погон, вместе с куском плеча, а вторая пуля с жутким звуком ударила в развернувшуюся спину, сбросив лейтенанта, как тряпичную куклу, в траншею.

– Спёкся лейтенант, – как-то равнодушно проговорил Жорка. – Да ему и так трибунал – сколько народу положил, а тут «смертью храбрых» напишут, да кому его храбрость нужна. Вон они лежат там, а за что?, – продолжал он.

Командование принял седоусый старший сержант – больше некому было.

– Связь давай, связь, мать твою, – кричал он на связиста, – хоть все в гроб вашу мать, а связь мне дай.

– Мировой мужик, – шепнул мне Жорка, – ещё с Жуковым на Халхин-Голе начинал, а мы с 42-го со Сталинграда вместе, он там майором был, отказался нашу роту в шестую атаку поднимать, ну, его разжаловали в штрафбат, а в 43-м под Курском мы снова встретились.

– Жорка, – позвал командир, – иди сюда, будешь у меня ординарцем и начальником штаба по совместительству. Что делать-то будем?

– Да нам бы хоть парочку снарядов или танк бы один на полчаса.

– Ну да, как всегда ты один умный.. без тебя знаю. Сюда смотри, – он кивнул на разостланную на столе карту. – Да хотя ты только игральные знаешь. Тогда слушай – наши справа и слева наверняка в прорыве – я думаю, что километров 40 уже впереди, так что прислать могут только танк. Но если до вечера не будет связи, значит, остаётся один вариант, как тогда в 43-м. Собери к 7:00 всех командиров взводов ко мне! И санинструкторов тоже, не могу уже слушать, как раненые кричат там на поле, будь оно неладно.

Все это рассказал нам с Севой Жорка, вернувшись от комбата. Он был как всегда весел и общителен.

– Не ели ещё? Правильно! Меня ждали! Давай по фронтовой! Ничего, пацаны, сегодня к вечеру, а может, и к утру пришлют заваливающий танк и хана немчуре!

Он вдруг прищурился:

– Испугались сегодня, да? Сильно?

Мы оба кивнули.

– Да в первом бою-то всегда так, кажется, что все пули в тебя летят, только дурак не боится. Я, думаете, не боялся? Да чуть в штаны не наложил. Ничего, обвыкнете, а если без геройства (ну, как лейтенант наш), то оно и вовсе не страшно.

Примерно в восемь часов Жорка вернулся необычайно серьезный.

– В общем, пацаны, не будет танка, самим придётся, сегодня в 4:00 атака, ну, взводный вам все объяснит.

И вдруг расплылся в улыбке:

– Там такая санинструкторша, Тонька, даже я заробел. Для неё таких, как ты, Музыкант, троих не хватит, даже если и Кольку (он кивнул на меня) добавить, но если меня ещё позвать, то может быть и справимся. Да ты что, Музыкант, покраснел, как Первое Мая? погоди, война кончится, мы тебе такую бабу подберём, не чета вашим московским будет. Ты каких уважаешь-то? Я вот больше сисястых, да и ты, Колян, я вижу тоже. – Я сконфуженно кивнул.

Разбудил он нас часов в 11:00 ночи. Таким мы его ещё не видели. Он как-то осунулся весь, ходили ходуном скулы, руки тряслись.

– Вот так-то, пацаны, санинструкторы вернулись... Нет больше раненых – всех ножами фрицы вырезали! Нелюди! Всех до одного!

Он замолчал и поднял на нас глаза, полные злобы и ненависти.

– Только вот думаю я, пацаны, не немцы это. Еще с 43-го всегда позволяли мы им раненых забирать, а они нам, постреливали поверху для виду и острастки, но чтобы ножами, раненых? Что-то не так тут. Завтра разберемся. Спать давайте.

Мы не знали тогда, что видим Жорку живым в последний раз.

Перед рассветом взводный приказал нам вести непрерывный огонь по немецким позициям.

– Чтобы головы не могли поднять! Наша задача – прикрыть Жорку, он с гранатами ползет к пулемету, впереди себя мертвяка толкает, а к горюшке – трое добровольцев из 3-го взвода тоже ползут – дай им бог. Жорка-то мертвяка еще с ночи выбрал, полегче который.

На наш огонь зло огрызались пулемёты, длинными очередями выбрасывая пучки травы вверх, из траншей стреляли как-то вяло, наверное атаки ждали, что ли?... Шли томительные минуты и вдруг мы увидели два огненных куста разрыва на месте часовни и пулемёт замолк!

Из травы поднялась знакомая фигура и помахала рукой, только на миг поднялась всего-то... Из-за громкого ура, раскатившегося по нашей траншее, почти никто, кроме взводного, не услышал сухого щелчка пистолетного выстрела, как будто ветка сломалась... Ракета ещё не догорела, а мы уже неслись вперед, что-то бессвязно крича, не обращая внимания на падающих рядом бойцов, в какой-то небывалой остервенелости.

Все было кончено. Деревня наша! Возле уцелевшего дома бойцы собирали пленных. Жорки не было видно. Мы бросились к пулеметной точке. Возле искорёженного пулемета лежали.... девушки!

Да, да, девушки! В похожей на немецкую, но не немецкой форме. На рукаве у каждой был ярко-голубой шеврон с золотым львом на задних лапах. Вокруг густым слоем лежали стреляные гильзы, вскрытые ящики из под патронов, множество пустых бутылок, пачки сигарет, какие-то пёстрые обертки, вскрытые консервные банки с яркими наклейками. Две из них еще были живы. Одна с окровавленными ногами вдруг подняла руку с пистолетом. Раздался пустой щелчок, потом ещё один!

Она хрипло рассмеялась:

– Nienawidzic! Nienawidzic!

Вторая, с залитым кровью животом простионала:

– Daj paroj pic...

Несмотря на жару её бил озноб, лицо было покрыто бисеринками пота, тёмные волосы, выбившиеся из-под фуражки слиплись.

– Дай фляжку ей, – сказал взводный Севе, – ей всё равно недолго осталось...

Сева нагнулся над ней и бережно попробовал поднять голову.

Отшвырнув фляжку левой рукой, она, выхватив из-под себя нож, косым выверенным ударом расплосовала Севе живот слева направо. Ещё ничего не понимающий и даже пока ничего не чувствующий Сева оцепенело вместе с нами смотрел на выползающие сизые внутренности.

Взводный полоснул по девушке короткой очередью.

Вместе с пузырящейся, толчками выплескивающейся изо рта кровью, она прохрипела:

– Badz przeklet...

Жорку мы нашли в 20-25 метрах от пулемёта. Он лежал на животе и на левой стороне уже расплылось кровавое пятно. Улыбка ещё не сошла с его уже мёртвого лица.

– Это она его, сука, последним патроном, так понимаю, – прохрипел взводный и зашагал к часовне. Вскоре мы услышали ещё одну короткую очередь.

– Так, бойцы – слушайте меня. Вы ничего не видели, понятно! Ничего! Забирайте, – он кивнул на Севу, – к деревне идите! Жорку пока здесь оставьте.

– А кто они? – не выдержав спросил я.

– Дивизия СС «Галичина» из украинцев-добровольцев. Я думал, что их всех под Бродами расколошматили, а они вон где. Я знал, что девки у них есть, но не думал что такие...

Возле дома в деревне стояла куча пленных немцев. Отдельно стояло примерно 15 девушек в уже знакомой нам форме. Все они были молодые и некоторые даже красивые. Они весело переговаривались и курили. Комбат громко сказал, почти выкрикнул:

– Вот это они ночью наших раненых... – он не договорил, потом, справившись с собой продолжил, – пленные немцы рассказали, даже они потрясены.

В куче оружия мы увидели наши ПППШ (прав был Жорка). Конвоировать девушек на сборный пункт вызвалось четверо бойцов. Немцев повели отдельно. Раненых отправили в медсанбат.

Сева был ещё жив. Возле него сидела та самая санинструктор, о которой говорил Жорка; дородная русская красавица в явно шитой на заказ форме, которая только подчеркивала её фигуру.

– Довезём, доведём, дружка твоего, не переживай, – пропела она.

– Жорку и лейтенанта похоронцам не оставим. Знаю, что наступать надо и времени нет, но не оставим, копайте могилу вот тут, у часовни, – приказал комбат.

– Ладанка у него материнская, – сказал я, – надо матери отправить.

– Да не было у него матери, детдомовский он, так хотел, чтобы кто-то ждал его с войны... Отправим ладанку с медалями (восемь их у него) в детский дом, я лично прослежу.

Женщин-то он очень любил, а те его за всё, что было в нём настоящего, мужского да и за нрав его лёгкий, весёлый... Эх, и смерть-то принял от женщины. Ей бы детей рожать, а она за пулемёт...

Это был мой первый и последний бой. В этот же день нашу колонну на марше обстреляли из миномётов, я получил три осколочных ранения и был отправлен в полевой госпиталь. В нём я узнал, что Сева умер в госпитале от заражения крови. Там же в госпитале я узнал, что девушек тех до сборного пункта не довели, расстреляли по дороге в безымянной лощинке. Солдаты, как один, твердили, что они пытались бежать.

«Смершевец», узнав всю историю, показно кричал на конвоирующих, хватался за пистолет, а потом тихо отправил их в ту же роту.

Меня после госпиталя отправили в Ленинград в артиллерийское училище, а там и война закончилась. Я пытался найти родителей Севы, но не нашёл. В их квартире уже жили другие люди, которые сказали, что предыдущие жильцы переехали то ли в Ленинград, то ли в Куйбышев, но адреса не оставили.

В 1964 году я пробовал найти могилу Жорки. Развалины часовни были на месте, но никаких признаков могилы не было. Под ногами что-то хрустнуло и я из-под листвы достал горсть позеленевших гильз...

А один осколок до сих пор во мне...

НУ, ВЕДЬ ЗАПЛАЧЕНО ЖЕ? СПОЛНА?

(рассказ номера Щ-1478)

В 1989 году во время инспекционной поездки по северному Приколымью ночь застала нас на богом забытой (да и похоже людьми тоже) метеостанции. Метеорологи – два бородатых мужика лет 35-ти на вид, встретили нас, как всегда встречают на затерянных полярных станциях, на которых мне приходилось бывать множество раз.

После накрытого немудреного стола один из них (Виталий, кажется) сказал, что надо позвать Дядю Сашу.

– Всегда он уж очень рад новым людям, – пояснил он.

– Мы-то все это уже десятки раз слышали...ну то, что он вам расскажет, а расскажет обязательно...

На пороге стоял высокий, сторбленный совершенно седой мужчина в опрятной, чисто выстиранной (по всей видимости недавно) одежде.

– Разрешите? – вежливо спросил он и присел на край лавки возле стола. Положив кусочек рыбы на хлеб, он бережно поддержал его второй ладонью, чтобы ни одна крошка не упала на пол. Во всем его взгляде и даже в манере сидеть была какая-то искательность что ли (и сегодня не могу подобрать точного определения).

– А почему вас все называют Дядя Саша?

– Да потому, что фамилию мою и отчество никто не знает, да я и сам забывать их стал потихоньку... Номер вот хорошо помню Щ-1478.

– Какой номер? – не понял я.

– Лагерный номер, – невесело улыбнулся он.

И, вдруг, как-будто поддавшись внезапному откровению, он рассказал мне удивительнейшую историю, которую я запомнил на всю жизнь. (Вообще я не раз замечал особенность почти сразу располагать к себе самых различных людей, часто незнакомых со мной.)

Киев, 1938 год

– Итак, представьте 1938 год, город Киев, государственный университет. Я готовлю курсовую по межродовым отношениям скифов северного Причерноморья, которую я собирался положить в основу дипломной работы. Почти ежедневно ссорюсь с моей Галей по поводу даты нашей предстоящей свадьбы. Как жили мы – студенты конца 30-х? Да, наверное, так же, как и вы 30 лет спустя: дружно, весело, так же не хватало порой денег угостить девушку мороженым, учились, работали, свято веря в светлое будущее и победу коммунизма. Мы конечно знали о ночных арестах, черных закрытых машинах, обысках, но были уверены, что наши «органы» не ошибаются и неустанно, днём и ночью борются с врагами нашего государства.

На проходящих почти каждую неделю комсомольских собраниях мы с жаром клеймили позором явных и замаскированных врагов, требуя для них самой суровой кары. О настойчивых попытках ухаживания за моей Галей со стороны зав.кафедрой – статного сорокалетнего мужчины с густой седеющей шевелюрой, я, конечно же, знал, но большого значения этому старался не придавать... И, как оказалось, напрасно.

7 апреля (этот день я запомнил навсегда) меня арестовали прямо во время занятий на глазах у всех, а через два часа меня втокнули в переполненную камеру Лукьяновской тюрьмы. Я старался не слушать советы сокамерников о том, как себя держать на допросе, что можно говорить и что нельзя, потому что был уверен (как и многие вокруг), что все это ошибка и меня скоро выпустят, принеся извинения.

Перед первым допросом мимо меня из кабинета следователя вывели (точнее вынесли) двое мужчин в форме окровавленного избитого человека. Я стыжусь и сейчас в этом признаться, но я всегда боялся боли, поэтому решил сразу – подпишу все, что скажут, лишь бы не били.

В кабинете следователя никого не оказалось. Через минуту вошел молодой человек в форме с открытым честным взглядом, посмотрел на мое без единой кровинки лицо и вежливо предложил мне стул. Почти сразу же передо мной стоял стакан чая в серебряном подстаканнике и на тарелочке два бутерброда с необычайно свежей колбасой.

– Угощайтесь, не стесняйтесь, а главное – успокойтесь!

Впоследствии я понял, что все это был тщательно отрепетированный спектакль.

– Посмотрите вот этот список пожалуйста, – и он протянул мне листок с написанными от руки фамилиями, среди которых были 3 или 4 моих однокурсника – всего 15 человек! – Эти люди, а может и еще кто-нибудь (мы их обязательно выявим) входят в состав студенческой контрреволюционно-троцкистской организации. Вы подтверждаете это?

Я, конечно же, хотел сказать – нет!, но вспомнив изуродованное лицо человека, дрожащей рукой я подписал приговор скорее всего ни в чем неповинным людям.

– Это всё? – как в тумане спросил я.

– Ещё маленький вопрос – это ваше? – и следователь протянул мне стопку исписанных листов. Это были черновики моей курсовой работы.

– Да, это моё, а откуда они у вас?

– Дело в том, что ваш зав.кафедрой утверждает, что вы постоянно ссылаетесь на труды так называемых профессоров, которые арестованы как враги народа и уже понесли заслуженную кару. А невеста ваша – Галя (вот ознакомьтесь) сообщает, что вы постоянно обсуждали с товарищами труды этих отщепенцев. Если вы подтверждаете это – подпишите, пожалуйста, – здесь и еще вот здесь...

Ощущая противную дрожь во всём теле, вытирая одной рукой потное лицо, я, не читая, подписал оба документа, забыв неустанные советы сокамерников – ничего не подписывать!

Через 10 дней, прошедших в ожидании освобождения, мне уже в другом кабинете огласили приговор особого совещания. Назначить по совокупности статей 58-10 и 58-11 десять лет исправительно-трудовых лагерей.

ГУЛАГ, декабрь 1938 – лето 1953

В тюрьму Галя не приходила. Много (очень много) позже я узнал, что на комсомольском собрании, где меня исключили из комсомола, она активно выступала «ЗА» и предлагала заклеить меня позором.

Потом была Ярославская пересылка, грязь, мат, уголовники, казалось, нескончаемый рельсовый путь в грязном и душном «стольпинском» вагоне, ледяной тёмный трюм парохода, снова пересыльная тюрьма в Магадане.

В декабре 38 года по утопающей в снегу промерзшей дороге меня, почти полумертвого от недоедания и холода, привезли на золоторудный прииск «Мальдяк» Дальстроя. Проваялся два месяца в больничке, был признан негодным для работы по добыче золота и отправлен подсобным рабочим на промзону, потом на погрузку угля для кочегарки, а вскоре водителем и, по совместительству, бульдозеристом. Где-то там на промзоне работал С. Королев, но я не встречался с ним, хотя разговоры такие слышал. В активе я не ходил (честно

говоря, и не предлагали), но вот в выпусках стенгазеты участвовал, писал стихи.

В 47-м ко Дню Революции (30 лет же было) написал стихи и угодил в карцер – что-то не понравилось «куму», а тут еще мотор заклинило у машины, в общем, добавили мне срок. Освободился я по амнистии 1953-го и даже получил разрешение вернуться в Киев (как я узнал позже, благодаря хлопотам дяди – главного инженера оборонного завода).

Киев, 1953

В Киеве меня встретил дядя Леня – родной брат отца и предложил пожить у него в большой, почти пустой квартире в уцелевшем старом каменном доме на Дарнице. Долго извинялся за то, что не мог разыскать меня – война, эвакуация завода...

Используя многочисленные старые связи, дяде удалось прописать меня у себя. Я сразу же начал искать Галю и случайно на улице столкнулся с моим бывшим преподавателем. Он, пряча глаза и явно чувствуя себя неловко, рассказал мне, что в январе 1939-го Галя вышла замуж за зав.кафедрой и в сентябре 1940-го родила двойню – мальчишек: Всеволода и Тараса.

В июне 1941 года при первой же бомбежке в их дом попала бомба. Галя и ее муж погибли под завалами, а дети чудом уцелели. Их забрали в детский дом, который через месяц эвакуировали, а куда, он не знает.

Слушая Дядю Сашу, я вдруг поймал себя на мысли, что все это звучит как-то заученно, навсегда затверженным уроком, да ещё и довольно монотонно, и против моей воли глаза стали потихоньку закрываться.

Несомненно, заметив это, он сменил интонацию и слегка повысил голос.

– В общем, усилиями, в основном, дяди я разыскал этот детский дом. Он был эвакуирован в Сызрань, а в 1948 снова вернулся в Киев и дети Гали были там, живы и здоровы. Неожиданно умирает мой дядя – прямо на улице. Обширный инфаркт, последствие невероятного напряжения, недосыпания, голода во время работы на оборонном заводе в тылу. И я остался один в огромной (по тем временам)

квартире. Сколько было оббито порогов, длинных очередей за всевозможными справками не сосчитать, но я добился опекуна над сыновьями Гали и вскоре перевез их к себе в квартиру.

Зачем я все это затеял? Ради памяти Гали? Вряд ли? Да и любил я её тогда, спустя 15 лет? Простить, конечно, простил, время такое было...

И тогда, и сейчас я думаю, что этим хотел хоть в малой толике искупить вину перед людьми из того списка, который я подписал тогда в кабинете следователя... Скажу тебе сразу, что отношения с братьями у меня не сложились. К этому времени им было по 15 лет, оба они курили, потихоньку пили и скоро в нашей квартире стали появляться весьма сомнительные личности, некоторые значительно старше братьев, в которых я наметанным глазом узнавал бывших «пассажиров». В шкафах, а то и прямо на столе я обнаруживал вещи, нередко женские, какие-то коробки, свертки, дорогие продукты. В школу ходить они перестали сами и меня просто не слушали, иронически-снисходительно улыбались, как обращаются со слабоумным человеком. Тогда я не придавал этому большого значения.

Прошло два долгих года, для меня даже более длинные, чем в лагере. И вот однажды в воскресенье вечером, к дому подъехала машина с красным крестом, из которой вышел человек в несвежем халате и в сопровождении двух дюжих «молодцов» с равнодушно-угрюмыми лицами.

Человек зачитал мне по сложенной вчетверо бумажке из внутреннего кармана, что по заявлению граждан (подписи имеются) я должен в принудительном порядке пройти медицинское обследование по причине слабоумия и социальной опасности для окружающих. Я не сопротивлялся. Через год меня выписали из психушки. В квартире меня встретили чужие люди и я узнал, что уже полгода как выписан. Идти было некуда.

Возвращение на Колыму. Подводя итоги

Я снял последние деньги со сберкнижки и по оргнабору (вербованный, значит) оказался снова на Колыме, как будто и не уезжал никуда. Ей богу, как домой возвратился. Вот до-

живаю здесь, теперь, пенсию выправил, домик остался вот от метеостанции, раньше-то больше она была. Ребятам – спасибо, как могут, помогают.

Он замолчал и как-то (или мне показалось) опять искалочно заглянул мне в глаза.

– Ну, скажи мне – за все же заплачено сполна? Всей жизнью моей. Я вот в лагере верующим стал, – и он показал простой крестик на тонкой ленточке из сыромятной кожи. – Молюсь каждый день, прощенья прошу, как думаешь – услышит он меня?

И тут я понял, что этот вопрос он задавал много раз десяткам людей, в надежде услышать так нужный для него ответ. Я смотрел на него и молчал. Мне не было его жаль.

А если бы в том списке было не 15, а 40 или 100 человек? А в войну, которую он пережил в лагере, если бы попал в плен, наверняка был бы предателем и служил бы немцам? Может быть...

Ночью, лежа без сна в спальном мешке, я размышлял об услышанном. Мы тогда уже достаточно знали о том времени. Я побывал на многих заброшенных лагерях Колымы и Чукотки. А теперь я задаю вопрос себе и вам: «А как бы я, вы, ваши друзья повели себя тогда – в кабинете следователя – в 38-м?» И для себя ответ не нахожу... Ответ, вероятно, кроется в извечном и таком разном для каждого нравственном выборе, нередко минуте, определяющей для каждого его дальнейшую судьбу.

И все же подумал я: «Нет, Дядя Саша, неоплаченный этот долг и не закрыть его вам».